

УДК 327

РОССИЙСКИЙ ДРУГОЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЕС: РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКОЙ ВОЙНЫ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРЕССЕ

© 2014 г.

Д. О. Рябов

Санкт-Петербургский госуниверситет

dm.riabov@gmail.com

Поступила в редакцию 24.12.2013

Анализируется роль образа российского Другого в формировании идентичности жителей ЕС. На материалах освещения российско-грузинской войны европейскими печатными СМИ определяются маркеры, поддерживающие символическую границу между Европой и Россией и формирующие европейскую политическую идентичность.

Ключевые слова: образ России, образ Другого, европейская идентичность, российско-грузинская война.

Европейский союз, несмотря на долговой кризис и проблемы интеграции, остается одним из влиятельных участников современной системы международных отношений. Будущее ЕС зависит во многом от легитимности его институтов, от того, насколько европейцы будут чувствовать себя частью общего политического сообщества, насколько высок будет уровень европейской политической идентичности [1, 2]. Важность европейской консолидации подчеркивается и в основополагающем документе ЕС – Договоре о Европейском союзе; о значении феномена европейской идентичности свидетельствует и то, что на протяжении двух десятилетий службой «Евробарометр» проводятся регулярные замеры европейской идентичности в странах ЕС [3].

А. Вендт, один из основоположников конструктивистского подхода в теории международных отношений, считал государственную идентичность ключевым фактором мировой политики [4]. По его мнению, формирование идентичности государств происходит именно в ходе взаимодействия с другими участниками международных отношений. Поэтому идентичность следует трактовать как набор значений, которые субъект приписывает себе, принимая во внимание поступки других акторов [4; см. также 5]. Т. Хопф, другой представитель конструктивизма, подчеркивает, что политика акторов международных отношений зависит от существующих у них образов Себя и Других [6, р. 14; о взаимобусловленности образов Своих и Чужих см. подробнее 7]. Каждый актор имеет свой собственный набор значимых Других, в отношении с которыми создается и поддерживается собст-

венная идентичность; при этом в создании идентичности принимают участие не только политические элитные группы, но и широкие массы [6, р. 5, 8].

Характеризуя создание государственной идентичности, Я. Ассман выделял два ее типа и, соответственно, два способа ее формирования. Идентичность создается «вертикально», посредством политической институционализации, и «горизонтально», через постоянную дифференциацию со значимыми Другими, за счет чего достигается внутренняя однородность [8, с. 414–416]. Под Другими принято определять социальную общность, имеющую иной, более или менее отличный, образ жизни, язык, культуру, иные экономические, политические и другие интересы и цели, иные ценности [9, с. 49]. Очевидно, аналогичным образом формируется и европейская политическая идентичность. С одной стороны, она является результатом целенаправленной политики идентичности и «побочным продуктом» социально-экономической деятельности институтов ЕС. С другой стороны, процесс формирования европейской политической идентичности происходит за счет противопоставления ЕС значимым внешним Другим.

Роль Другого в коллективной идентичности в рамках политической науки начали изучать с 1960-х годов [10, с. 43]. Среди идей, оказавших влияние на методологию политического анализа идентичности, отметим тезис Ф. Барта, полагавшего, что появлению различий между сообществами предшествует необходимость в создании между ними границ [11, с. 16]. Вопрос о роли образа Другого в идентичности Запада рассматривался в первую очередь в парадигме

постколониальных исследований. Э. Саид показал, что существенной характеристикой конструирования идентичности Запада является отрицание «восточности» [12]. Дальнейшие исследования показали, что в самоидентификации Запада весь мир делится на «Запад и всех остальных» («The West and the Rest»), причем всему не-Западу приписываются черты восточности [13, p. 80].

Противопоставление европейских норм и ценностей нормам и ценностям значимых Других помогает мобилизовать граждан ЕС перед лицом внешней угрозы [1, p. 6–7; 2, p. 14]. Поэтому понять проблемы формирования европейской политической идентичности невозможно вне изучения вопроса, кто является для Европы Другим, каким образом проводятся границы между Европой и ее значимыми Другими. Среди Других Европейского союза называют США и Турцию [14; 15, p. 46; 16, p. 33], а также «собственное прошлое континента: войны, национализм, фашистское или коммунистическое правление» [17]. Какое место принадлежит России, особенно в настоящее время? Ответ на этот вопрос важен не только в контексте проблемы формирования внешнеполитической идентичности ЕС, но и в свете необходимости изучения факторов, влияющих на отношения двух акторов международных отношений – ЕС и России.

Цель нашего исследования – проанализировать образ России в прессе ЕС в контексте европейской политической идентичности. Для того чтобы аспектизировать проблему, выделим вопросы, которые требуют анализа. С помощью каких маркеров создается образ России? Какую оценку в контексте европейскости/неевропейскости они получают? Как при этом репрезентируются европейские ценности? Как это включается в аргументации о необходимости укрепления ЕС?

Для того чтобы получить ответы на эти вопросы, в статье исследуются материалы печатных СМИ стран ЕС, посвященные российско-грузинскому конфликту 2008 года – «пятидневной войне». Будучи одним из наиболее важных механизмов доступа в публичную сферу ЕС, в которой происходит формирование европейской идентичности [18, с. 276], европейская пресса в анализируемый период не только значительно чаще, чем обычно, обращалась к российской тематике, но и активно обсуждала ее в контексте вопроса о принадлежности России к европейской цивилизации, а также проблемы специфики европейских ценностей. Внимание прессы к «пятидневной» войне также было обусловлено тем, что посредничество при урегулиро-

вании конфликта позволило бы заявить о ЕС как об успешном акторе мировой политики.

В качестве источника мы использовали интернет-версии крупных печатных СМИ, представлявших Центральную и Западную Европу: «Речь Посполита» в Польше (далее – РП) и «Зюддойче Цайтунг» в Германии (далее – ЗЦ).

Почему в статье анализируется именно польский и немецкий взгляд на Россию? Польша долгое время играла важную роль в формировании образа России, существовавшего в Западной и Центральной Европе [19, с. 72]. Кроме того, Россия является одним из значимых Других национальной идентичности как поляков [19, с. 64–65], так и немцев. В ФРГ тема России играет весомую роль в обсуждении внешней политики страны, европейской интеграции и является фактором внутренней политической борьбы между СДПГ и ХДС/ХСС. При этом образ российского Другого в Германии не так негативен, как в странах «Новой» Европы. Это отразилось и на оценке российско-грузинского конфликта в Германии и Польше. Наконец, еще одно обстоятельство, которое повлияло на выбор источников, – высокий уровень европейской идентичности немцев и поляков, который демонстрируют социологические опросы [20].

Для проведения исследования был выбран метод качественного направленного контент-анализа. Мы проанализировали все упоминания о России и русских («Rosja» и «Rosjane» в РП; «Russland» и «Russen» в ЗЦ) в течение российско-грузинской войны и месяца, прошедшего после ее окончания (08.08.2008–13.09.2008). Российско-грузинская война была важным информационным поводом и в польском, и в немецком издании. Россия и русские за анализируемый период упоминались в них соответственно 333 и 149 раз; при этом РП значительно чаще избирала негативный тон (48% от всех упоминаний России по сравнению с 27% негативных упоминаний в ЗЦ).

Весь круг маркеров России, используемых в привлекаемых СМИ, можно разбить на три группы – репрезентации внешней политики страны, ее внутренней политики и цивилизационной специфики. По такому плану мы и будем их анализировать. Но вначале кратко обозначим методологию исследования.

Российский Другой выступает для Европы в качестве частного случая «Востока», с которым европеец себя сравнивает, – этот тезис, нашедший отражение в работах Э. Саида [12], И. Нойманна [14] и, позднее, Т. Хопфа [6], является методологической посылкой нашего исследования.

Европе и России приписываются характеристики, традиционно соотносящиеся, соответственно, с Западом и Востоком, например индивидуализм и коллективизм [12], разум и интуиция, прогресс и отсталость, свобода и угнетение, цивилизация и варварство; эти различия получают предсказуемую оценку. Разумеется, образ России в Европе не является гомогенным, он варьируется в зависимости от идеологической ориентации политических акторов, поднимающих тему России [21, р. 9–10], от состояния отношений России и Европы, от политической ситуации в Европе.

Объясняя инаковость России, западные авторы обращали внимание на различные факторы: от географического (доказывается, что Россия находится севернее Европы) [22, с. 7] до конфессионального (утверждается, что православные не являются подлинными христианами) [23, р. 95] и этнического (доказывается, что русские – не славяне) [24; 25, с. 126; 26, с. 94]. Политические и культурные различия с Россией служили инструментом для поддержания европейской идентичности.

Далее мы проанализируем, какие характеристики, приписываемые России, являются маркерами европейской политической идентичности, создающими символическую границу между «Европой» и «не-Европой».

Внешняя политика России

Наиболее часто журналисты обращались к описанию внешней политики России, что в немалой степени объясняется информационным поводом, необходимостью освещать военный конфликт.

Одной из важнейших характеристик внешней политики России является агрессивность, стремление решать вопросы силовым путем. В обеих газетах Россия фигурирует как инициатор войны. Следует отметить, что в первые два дня российско-грузинского конфликта на страницах газет отсутствовало единое мнение о том, кто является агрессором. С одной стороны, в нападении обвинялась Грузия. В частности, Г. Эрлер, заместитель министра иностранных дел Германии, в интервью ЗЦ отмечает, что именно грузинские войска напали на российских миротворцев, спровоцировав Россию на ответ [ЗЦ. 09.08; РП. 09.08. Здесь и далее цитируются газеты, датированные 2008 годом]. ЗЦ приводит и российскую точку зрения на события, цитируя слова В. Путина о том, что война началась из-за «преступной политики» Тбилиси [ЗЦ. 09.08].

С другой стороны, в агрессии или несоразмерном применении силы все чаще обвиняется

Россия. РП печатает несколько статей с сообщениями о том, что российские танки «утюжат грузинскую землю», а самолеты «бомбят мирные грузинские города» [РП. 09.08]. ЗЦ утверждает, что войну начала Россия, введя свои танки на территорию Грузии [ЗЦ. 09.08], цитируя при этом президента Грузии М. Саакашвили, призвавшего международное сообщество остановить варварскую агрессию большого соседа, напавшего на маленькую Грузию [ЗЦ. 09.08, 12.08]. В агрессии Россию на страницах ЗЦ обвиняли также кандидат в президенты США от республиканской партии Дж. Маккейн и президент Польши Л. Качиньский [ЗЦ. 11.08].

Другая значимая характеристика внешней политики России – империализм, под которым понимается стремление присоединить соседние страны и воссоздать империю в границах царской России или Советского Союза. Такая политика «радикально отличается от европейской» по мнению журналиста РП [27]. В России ее руководители и общество в целом, по мнению журналистов РП, ностальгируют по великодержавности. Авторы ряда публикаций рассуждают о том, кто станет следующей жертвой агрессии: страны Балтии, Польша или Украина [РП. 11.08; 28; 29; 27]. Автор статьи в ЗЦ с говорящим названием «Русский медведь вернулся» предполагает, что следующей жертвой может стать Украина, так как Россия хочет вернуть себе территории Киевской Руси [30]. Отношения страны с соседями немецкая газета иллюстрирует фразой американского дипломата периода «холодной войны» Дж. Кеннана: «Среди соседей России нет никого, кроме ее вассалов или ее врагов» [ЗЦ. 10.08].

Примечательно в этом отношении опубликованное в РП интервью с польским историком П. Вечоркевичем. По словам Вечоркевича, главной чертой «путинской» России является стремление восстановить империю. Это стремление и является, по его мнению, причиной российско-грузинского вооруженного конфликта [РП. 28.08].

В ЗЦ обсуждался и тезис о территориальных претензиях России к Украине. В частности, в газете приводилась приписываемая В. Путину фраза, адресованная Дж. Бушу: «Вы же понимаете, Джордж, что Украина – это не государство» [ЗЦ. 03.09].

Обсуждение темы возможной российской агрессии выявило также неоднозначное отношение европейцев к институтам ЕС. Польская пресса акцентирует роль Польши как защитника Европы, а реакция ЕС на российскую угрозу называется «неадекватной», действия «близо-

руками» и «невежественными», а действия польского президента Л. Качиньского «невероятно прекрасными и героическими» [27; РП. 13.09; ЗЦ. 12.08].

Еще один важный маркер российской внешней политики в анализируемых изданиях — это нарушение Россией норм международного права. Доказывая это, ЗЦ приводит мнения политиков, упрекающих Россию в агрессии, насилии и нарушении международного права [ЗЦ. 11.08]. Это проявляется в том, что, во-первых, Россия, «вторгнувшись в Грузию, попирает тем самым важнейшие принципы суверенитета и нерушимости европейских границ» [ЗЦ. 12.08]. Во-вторых, как настаивают журналисты обоих изданий, российские войска применяли насилие против гражданского населения Грузии и разрушали ее инфраструктуру [ЗЦ. 12.08], не препятствовали геноциду грузин и этническим чисткам со стороны осетин [РП. 10.08, 05.09]. В-третьих, Россия не соблюдала ратифицированные ею Женевские конвенции о допуске в зону конфликта гуманитарных организаций [РП. 13.08].

Таким образом, Россия маркируется агрессивной империалистической страной, намеренно нарушающей нормы международного права. В то же время европейскими ценностями являются соблюдение прав человека, мир и территориальная целостность [31].

Внутренняя политика России

Характеристика внутренней политики России представляет собой вторую по упоминаемости группу маркеров.

Европейской демократии и свободе противопоставляется авторитаризм и «азиатский деспотизм» России, ее несвобода и «рабская ментальность» [32, с. 10; 25, с. 126; 16, р. 38; 21, р. 3–6]. Российский политический режим репрезентируется как радикально отличный от политического устройства европейских демократических государств. В РП он называется деспотическим, сталинистским, империалистским и даже фашистским [РП. 11.08, 05.09, 08.09].

Значимой чертой политического режима России РП и ЗЦ называют отсутствие свободных СМИ. В статьях «Россия хочет войны» и «Пропаганда 2.0» журналисты ЗЦ пишут о таких способах манипуляции российским общественным мнением, как завышение потерь гражданского населения во время штурма Цхинвали, обвинения Грузии в геноциде и этнических чистках, кибервойна против грузинских государственных интернет-сайтов [ЗЦ. 09.08; ЗЦ. 12.08]. В РП российские СМИ называются

«власовцами» информационной войны [РП. 11.08, РП. 04.09].

Наконец, важным аргументом в пользу тезиса о неевропейском характере внутренней политики в России являются репрезентации персональных особенностей ее руководителей. Президент Д. Медведев изображается несамостоятельным политиком, управляемым В. Путиным [ЗЦ. 10.08]. В. Путин описывается, с одной стороны, как очень прагматичный политик [РП. 11.08]; с другой – ему приписываются иррациональные мотивы для начала войны – прежде всего личная месть М. Саакашвили [ЗЦ. 10.08]. Обвинения В. Путину лично, предъявляемые в период военного конфликта польской и немецкой прессой, также указывают на чуждость российского лидера европейским ценностям. Ему приписывается решающая роль в поощрении русского национализма, «который приводит толпы добровольцев на войну с Грузией» [РП. 12.08]. В. Путину ставятся в вину авторитаризм [РП. 12.09], геноцид чеченцев [РП. 28.08], организация терактов в самой России [РП. 05.09], неоднократно именно на него возлагают ответственность за желание возродить Российскую империю [РП. 11.08]. В уже упоминавшейся статье З. Бжезинского за «попытку уничтожить небольшого демократического соседа» В. Путин называется неродным внуком Сталина [РП. 11.08, 05.09].

Внутренняя политика России характеризуется как «радикально отличная от европейской», авторитарная, недемократичная, подавляющая свободу СМИ, в то время как Договор о Европейском союзе провозглашает европейскими ценностями демократию, правовое государство, гласность, борьбу с дискриминацией [5].

Цивилизационная специфика России

Наконец, обратимся еще к одной группе маркеров, имеющей большое значение, – тех, которые характеризуют Россию как особую цивилизацию: ее действия объясняются не только особенностями современного политического режима или рациональными экономическими интересами, а цивилизационными отличиями от Европы. Большая часть этих цивилизационных характеристик в европейском дискурсе носит ориенталистский характер, ассоциируясь с Востоком [12] и выступая способом различения Европы и не-Европы. Исследователи полагают, что динамизму и развитию европейского общества противопоставляются стагнация и отсутствие прогресса в России, российская нецивилизованность, варварство [26, с. 94; 12; 13, р. 80].

Такое противопоставление в целом характерно для отношений Запада и Востока [14, р. 69; 23].

Характеризуя действия российской армии, анализируемые СМИ пишут о варварстве, жестокости, зверствах войск по отношению к мирному грузинскому населению, о непропорциональном применении армией силы. Приведем показательную цитату из польского издания: «Вызывающие ужас казаки и чеченские наемники, по свидетельству беженцев, совершали в Гори изнасилования и грабежи, они ловили молодых грузин и перерезали им горло» [РП. 12.08, 02.09; ЗЦ. 12.08, 10.09]. И немецкие, и польские журналисты сочли необходимым воспроизвести непроверенные сведения о том, что солдаты стреляют по представителям Красного Креста и преднамеренно убивают гражданское население [РП. 09.08; 13.08; ЗЦ. 11.08]. В одном из интервью, опубликованных в РП, сообщается об использовании Россией запрещенных касетных бомб [РП. 13.08].

Обе газеты неоднократно обвиняли российскую армию в воровстве и мародерстве, которые служат для авторов свидетельством нецивилизованности России. В одной из статей утверждается, что солдаты на оккупированной территории Грузии воруют все, включая сиденья от унитазов на военных базах [РП. 11.08, 12.08, 13.08]. ЗЦ развивает тему, называя грабителями самих В. Путина и Д. Медведева [ЗЦ. 10.08]. Заметим, что тема мародерства и в целом нецивилизованности россиян поднималась не только в РП, но и в других крупных польских изданиях. Например, «Газета Выборча» также сообщала: «Русские удивлялись комфорту в грузинских казармах. Они забирали подаренные американцами и брошенные грузинами бронежилеты, шлемы, форму и даже белье» [Gazeta Wyborcza, 22.09]. Перечислим другие значимые маркеры цивилизационных отличий России. Среди них заметное место занимает отсталость — еще одна важная характеристика Востока в ориенталистском дискурсе. Со ссылками на Дж. Буша и Дж. Маккейна Россия характеризуется как страна архаичная, а ее позиция как «неприемлемая для XXI века» [ЗЦ. 11.08, ЗЦ. 12.08]. Упоминается также и непредсказуемость России, иррациональность ее поведения, приведшая к вступлению в конфликт [ЗЦ. 09.09]. Несколько раз в газетах актуализируется и традиционный для западного дискурса маркер России — пьянство, в котором в данном случае обвиняются солдаты [ЗЦ. 04.09]. Нередко именно цивилизационной спецификой объясняется «склонность России к авторитаризму и деспотии». Являясь недемократичной и автори-

тарной по самой своей сущности, Россия не может и не сможет «смириться со стремлением к свободе других народов» [ЗЦ. 12.08].

Следует особо подчеркнуть, что подобные маркеры России позволяют эссенциализировать различия, представить их как неслучайные и неустраняемые. Не случайно М. Маляя использовал термин «вечная Россия» (eternal Russia) [21, р. 1]. СМИ используют различные приемы, позволяющие постулировать неизбежный и неизменный характер нынешних отличий России от Европы в области внешней и внутренней политики. Одним из них является эксплуатация исторических аналогий, к которой весьма активно прибегали оба издания. Так, РП в своем объяснении причин конфликта обращается к истории российско-польских отношений. Приведем выразительный фрагмент: «Россия защитила Южную Осетию по тем же самым причинам, по которым Екатерина Великая ввела русские войска в Польшу для защиты свобод, вытекающих из благородных принципов демократии. По тем же самым причинам, по которым большевики в 1920 г. отправились в Польшу освобождать трудящихся города и села от польских панов, по тем же самым причинам, по которым 17 сентября 1939 г. Красная Армия пришла в Польшу, чтобы обеспечить безопасность этнических белорусов и украинцев» [РП. 10.08, 11.08]. ЗЦ и РП использовали исторические параллели, вспоминая войну в Чечне [ЗЦ. 11.08, 12.08], ввод советских войск в союзные страны в период «холодной войны» [РП. 08.09], пакт Молотова – Риббентропа [РП. 08.09], противостояние Советского Союза Западу [ЗЦ. 11.08].

Маркерами, эссенциализирующими отличия России от Европы, служат традиционные символы и аллегории стран. Среди тех символов России, которые в контексте войны актуализируют многие из негативных характеристик, указанных выше, в анализируемых изданиях становится «русский медведь». Репрезентации России в облике медведя в ходе конфликта было востребовано во многих мировых СМИ; как правило, тем самым на Россию переносились такие черты, как агрессивность, кровожадность, варварство, отсталость. Как считают О. Рябов и А. де Лазари, последствием привлечения такого рода национальных аллегорий является гомогенизация россиян; все они предстают некой эманацией большого «русского медведя», все они несут ответственность за происходящее. Такая метафора, по мнению ученых, косвенным образом ведет к дегуманизации России, лишению ее человеческого обличья. С медведем следует обходиться так же, как и с другими дикими животными [33]. Тема России-медведя звучала и в

исследуемых нами изданиях. Польская газета опубликовала карикатуру, на которой медведь нарисован рядом с пчелиным ульем; работа сопровождается подписью «Охраняет мед от пчел» [29], а немецкая провозгласила: «Русский медведь вернулся из леса. Но на самом деле он никогда и не уходил» [30].

Такие маркеры России и русских, как отсталость, архаичность, непредсказуемость, иррациональность, нецивилизованность, встречаются за указанный период в ЗЦ в 22.2% статей, упоминающих Россию и русских, и в РП — в 11.9%. В то же время цивилизованность приписывается Европе, Грузии и Западу [РП. 11.08, 11.09, ЗЦ. 12.08].

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, маркеры, которыми обозначают Россию в европейской прессе (авторитаризм, отсталость, непредсказуемость и др.), призваны обозначить ее не-европейскость. Эти маркеры поддерживают символическую границу между Европой и не-Европой; европейская цивилизованность противопоставляется российскому варварству, европейская демократия – российскому авторитаризму, европейский мир – российской агрессии. При таком противопоставлении образ самой Европы должен становиться однородным и непротиворечивым, а конструирование образа российского Другого как не-Европы помогать тем самым определению самой Европы.

Во-вторых, освещение российско-грузинского конфликта включается и в процессы политической мобилизации внутри ЕС. Тема военной угрозы со стороны России становится частью аргументации о необходимости консолидации ЕС, укрепления его основных институтов. При этом образ российского Другого для Европы различается, хотя и не принципиально, в странах «Новой» и «Старой» Европы. В польской прессе при обсуждении военной угрозы со стороны России в большей степени, чем в немецкой, подчеркивается европейскость Польши и критикуются институты ЕС за неспособность защитить Европу от российской агрессии.

В заключение подчеркнем, что выводы в отношении роли образа российского Другого в формировании европейской идентичности следует проверить на других источниках.

Список литературы

1. Cedermann L.-E. Political Boundaries and Identity Trade-Offs // *Constructing Europe's Identity; European Identities: Cultural Diversity and Integration in Europe*

since 1700 / ed. by N. A. Sørensen. Odens, 1995. P. 1–34.

2. Preez Du P. The Politics of Identity: Ideology and the Human Image. N.Y. St. Martin's Press, 1980. 178 p.

3. Крестинина Е.С. Проблема формирования национальной политической идентичности (на примере ЕС) // *Политэкс*. 2011. Т. 7. № 2. С. 52–61.

4. Wendt A. Collective Identity Formation and the International State // *American Political Science Review*. 1994. V. 88. № 2. P. 384–396.

5. Киселев И.Ю. Проблема образа государства в международных отношениях: конструктивистская парадигма // *Политэкс*. 2007. Т. 3. № 3. С. 253–260.

6. Hopf T. *Reconstructing the Cold War: The Early Years, 1945–1958*. Oxford University Press, 2012. 305 p.

7. Jenkins R. *Social Identity*. N.Y.: Routledge, 2008. 232 p.

8. Замятина Н.Ю. Территориальные идентичности и реконфигурация социального пространства // *Политическая идентичность и политика идентичности*. Т. 2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / Под ред. И.С. Семенов. С. 411–430.

9. Ачкасов В.А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1999. Т. 2. № 1. С. 45–56.

10. Попова О.В. Россия как «Другой»: к вопросу об амбивалентности субъектов оценки // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2008. Сер. 6. № 4. С. 43–50.

11. Барт Ф. Введение // *Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий* / Под ред. Ф Барта. М.: Новое издательство, 2006. 200 с.

12. Саид Э. *Ориентализм*. М.: Русский мир, 2006. 640 с.

13. Hall S. The West and the Rest: Discourse and Power // *Formations of Modernity* / Ed. by S. Hall, B. Gieben. Cambridge: Polity Press, 1992. P. 276–320.

14. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейской идентичности. М.: Новое изд-во, 2004. 335 с.

15. Calhoun C. The Virtues of Inconsistency: Identity and Plurality in the Conceptualization of Europe // *Constructing Europe's Identity* / Ed. by L.-E. Cedermann. Boulder, 2001. P. 35–56.

16. Delanty G. Redefining Political Culture in Europe Today: from Ideology to the Politics of Identity and Beyond. // *Political Symbols, Symbolic Politics: European identities in transformation* / Ed. by U. Hedetoft. Aldershot, 1998. P. 23–43.

17. Risse T., Engelmann-Martin D. Identity Politics and European Integration: The Case of Germany // *The Idea of Europe. From Antiquity to the European Union* / Ed. by A. Pagden. Cambridge University Press, 2002. P. 287–316.

18. Лисий О.А. Социальные медиа в контексте формирования общеевропейской идентичности // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2013. Сер. «Международные отношения. Политология. Регионоведение». № 2 (1). С. 275–280.

19. Зарицкий Т. Российский дискурс в Польше: образ России в конструировании польской идентичности // *Россияне и поляки на рубеже столетий*.

Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998–2002 гг.) / Под ред. Е.Н. Даниловой, В.А. Ядова, О.А. Оберемко. СПб.: Изд-во РХГА, 2006. 348 с.

20. Eurobarometer Standard 69 (1. Values of Europeans). November. 2008.

21. Malia M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. The Belknap Press of Harvard University, 2000. 528 p.

22. Маяцкий М. Курорт «Европа». М.: Ad Marginem, 2009. 176 с.

23. Harle V. The Enemy with a Thousand Faces: the Tradition of the Other in Western Political Thought and History. Westport, 2000. 218 p.

24. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.

25. Журавлева В. Восприятие России в США на рубеже XIX–XX веков // Российско-американские отношения в условиях глобализации. М., 2005. С. 119–130.

26. Рябов О. «Россия-Матушка»: Национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart, Hannover: Ibidem-Verlag, 2007. 270 с.

27. Wildstein B. Hodowanie rosyjskiego monstrum // Rzeczpospolita. 05.09.2008.

28. Kolb M. Ein zerrissenes und verunsichertes Land // Süddeutsche Zeitung. 03.09.2008.

29. Rybiński M. Świat bez klamek // Rzeczpospolita. 10.08.2008.

30. Kahlweit C. Der russische Bär ist zurück // Süddeutsche Zeitung. 11.08.2008.

31. Договор о Европейском Союзе (Подписан в г. Маастрихте 07.02.1992 с изм. и доп. от 13.12.2007).

32. Волкогонова О. Этнокультурные аспекты российско-американских отношений // Российско-американские отношения в условиях глобализации. М., 2005. С. 6–11.

33. Riabov O., de Lazari A. Misha and the Bear: The Bear Metaphor for Russia in Representations of the "Five-Day War" // Russian Politics and Law. 2009. V. 47. № 5. P. 26–39.

34. Pagden A. Europe: Conceptualizing a Continent // The Idea of Europe From Antiquity to the European Union / ed. by Anthony Pagden. Cambridge University Press, 2002. P. 33–54.

THE RUSSIAN OTHER IN THE POLITICAL IDENTITY OF THE EU: REPRESENTATIONS OF THE RUSSIAN-GEORGIAN WAR IN THE EUROPEAN PRESS

D.O. Riabov

The article analyzes the role of the image of the Russian Other in the forming of the European political identity. The author examines the coverage of the Russian-Georgian conflict in the European press, and points out some characteristics, which are used to mark Russia as the European Other, and thus help to construct the European political identity.

Keywords: image of Russia, image of the Other, European identity, Russian-Georgian War.

References

1. Cedermann L.-E. Political Boundaries and Identity Trade-Offs // Constructing Europe's Identity; European Identities: Cultural Diversity and Integration in Europe since 1700 / ed. by N. A. Sørensen. Odens, 1995. P. 1–34.

2. Preez Du P. The Politics of Identity: Ideology and the Human Image. N.Y. St. Martin's Press, 1980. 178 p.

3. Krestinina E.S. Problema formirovaniya nadnacional'noj politicheskoy identichnosti (na primere ES) // Politjeks. 2011. T. 7. № 2. S. 52–61.

4. Wendt A. Collective Identity Formation and the International State // American Political Science Review. 1994. V. 88. № 2. P. 384–396.

5. Kiselev I.Ju. Problema obraza gosudarstva v mezhdunarodnyh otnoshenijah: konstruktivistskaja paradigma // Politjeks. 2007. T. 3. № 3. S. 253–260.

6. Hopf T. Reconstructing the Cold War: The Early Years, 1945–1958. Oxford University Press, 2012. 305 p.

7. Jenkins R. Social Identity. N.Y.: Routledge, 2008. 232 p.

8. Zamjatina N.Ju. Territorial'nye identichnosti i rekonfiguracija social'nogo prostranstva // Politi-

cheskaja identichnost' i politika identichnosti. T. 2. Identichnost' i social'no-politicheskie izmeneniya v XXI veke / Pod red. I.S. Semenenko. S. 411–430.

9. Achkasov V.A. Jetnicheskaja identichnost' v situacijah obshhestvennogo vybora // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 1999. T. 2. № 1. S. 45–56.

10. Popova O.V. Rossija kak «Drugoj»: k voprosu ob ambivalentnosti sub#ektov ocenki // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2008. Ser. 6. № 4. S. 43–50.

11. Bart F. Vvedenie // Jetnicheskie gruppy i social'nye granicy. Social'naja organizacija kul'turnyh razlichij / Pod red. F Barta. M.: Novoe izdatel'stvo, 2006. 200 с.

12. Said Je. Orientalizm. M.: Russkij mir, 2006. 640 с.

13. Hall S. The West and the Rest: Discourse and Power // Formations of Modernity / Ed. by S. Hall, B. Gieben. Cambridge: Polity Press, 1992. P. 276–320.

14. Nojmann I. Ispolzovanie «Drugogo»: Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskoj identichnosti. M.: Novoe izd-vo, 2004. 335 s.

15. Calhoun C. The Virtues of Inconsistency: Identity and Plurality in the Conceptualization of Europe // Constructing Europe's Identity / Ed. by L.-E. Cedermann. Boulder, 2001. P. 35–56.

16. Delanty G. Redefining Political Culture in Europe Today: from Ideology to the Politics of Identity and Beyond. // *Political Symbols, Symbolic Politics: European identities in transformation* / Ed. by U. Hedetoft. Aldershot, 1998. P. 23–43.
17. Risse T., Engelmann-Martin D. Identity Politics and European Integration: The Case of Germany // *The Idea of Europe. From Antiquity to the European Union* / Ed. by A. Pagden. Cambridge University Press, 2002. P. 287–316.
18. Lisij O.A. Social'nye media v kontekste formirovanija obshcheevropejskoj identichnosti // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2013. Ser. «Mezhdunarodnye otnoshenija. Politologija. Regionovedenie». № 2 (1). S. 275–280.
19. Zarickij T. Rossijskij diskurs v Pol'she: obraz Rossii v konstruirovanii pol'skoj identichnosti // *Rossijane i poljaki na rubezhe stoletij. Opyt sravnitel'nogo issledovanija social'nyh identifikacij (1998–2002 gg.)* / Pod red. E.N. Danilovoj, V.A. Jadova, O.A. Oberemko. SPb.: Izd-vo RHGA, 2006. 348 s.
20. Eurobarometer Standard 69 (1. Values of Europeans). November. 2008.
21. Malia M. *Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. The Belknap Press of Harvard University, 2000. 528 p.
22. Majačckij M. *Kurort «Evropa»*. M.: Ad Marginem, 2009. 176 s.
23. Harle V. *The Enemy with a Thousand Faces: the Tradition of the Other in Western Political Thought and History*. Westport, 2000. 218 p.
24. Vul'f L. *Izobretaja Vostochnuju Evropu: Karta civilizacii v soznanii jepohi Prosveshhenija*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. 560 s.
25. Zhuravleva V. *Vosprijatie Rossii v SSHA na rubezhe XIX–XX vekov* // *Rossijsko-amerikanske otnoshenija v uslovijah globalizacii*. M., 2005. S. 119–130.
26. Rjabov O. «Rossija-Matushka»: Nacionalizm, gender i vojna v Rossii XX veka. Stuttgart, Hannover: Ibidem-Verlag, 2007. 270 s.
27. Wildstein B. *Hodowanie rosyjskiego monstrum* // *Rzeczpospolita*. 05.09.2008.
28. Kolb M. *Ein zerrissenes und verunsichertes Land* // *Süddeutsche Zeitung*. 03.09.2008.
29. Rybiński M. *Świat bez klamek* // *Rzeczpospolita*. 10.08.2008.
30. Kahlweit S. *Der russische Bär ist zurück* // *Süddeutsche Zeitung*. 11.08.2008.
31. *Dogovor o Evropejskom Sojuze (Podpisan v g. Maastrichte 07.02.1992 s izm. i dop. ot 13.12.2007)*.
32. Volkogonova O. *Jetnokul'turnye aspekty rossijsko-amerikanskih otnoshenij* // *Rossijsko-amerikanske otnoshenija v uslovijah globalizacii*. M., 2005. S. 6–11.
33. Riabov O., de Lazari A. *Misha and the Bear: The Bear Metaphor for Russia in Representations of the «Five-Day War»* // *Russian Politics and Law*. 2009. V. 47. № 5. P. 26–39.
34. Pagden A. *Europe: Conceptualizing a Continent* // *The Idea of Europe From Antiquity to the European Union* / ed. by Anthony Pagden. Cambridge University Press, 2002. P. 33–54.